

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ:
ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

И. А. Чурсанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 декабря 2012 г.

Аннотация: в статье рассмотрена историческая память как одно из проявлений социальной памяти; развернута мысль о том, что социальная память формирует то ценностно-смысловое пространство, которое фундирует способы самоопределения данного социума. Обозначившаяся в настоящий момент проблема идентичности создает предпосылки для усиления в истории функции сохранения памяти, т.е. коммеморативной составляющей, часто наносящей ущерб научности как самих исследований, так и их результатов.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, коммеморация, «социальные рамки».

Abstract: this article offers a review of the historical memory as one of the manifestations of social memory, launched the idea that social memory generates a value-semantic space, which substantiates how identity of a given society. Indicated in the current issue of identity creates the preconditions for the gain in the history of the preservation of memory function, ie commemorative component, often damaging science, both of the studies and their results.

Key words: social memory, historical memory, commemoration, «social framework».

Для многих людей вполне очевидным кажется положение о том, что историческая наука – это в первую очередь форма сохранения и восполнения памяти, и что в этом состоит главная задача историописания. В начале своей «Истории» Геродот пишет, что его труд необходим, «дабы ни события с течением времени между людьми не истребились, ни великие и дивные дела, эллинами и варварами совершенные, не остались бесславными» [1, с. 27]. Однако уже здесь следует оговориться, что у греческого историка память близка скорее к определенной форме знания, знания о прошлом. Современные подходы к феномену памяти предполагают ее самостоятельный статус и разные формы существования. Если для Геродота важно именно содержание памяти, та конкретная реальность, которая с помощью нее фиксируется, то мы в настоящее время сталкиваемся с интересом и вниманием к памяти как таковой.

Стоит кратко изложить несколько определений интересующего нас феномена. С точки зрения, например, основателя прагматизма У. Джемса, «память – это знание о минувшем душевном состоянии, после того, как оно перестало непосредственно сознаваться нами, она есть знание

о событии или факте, о котором мы в данную минуту не думали, но который сознается нами как имевший место в прошлом» [2, с. 200]. Немецкий современник У. Джемса Г. Эббингауз считал, что память – это «последовательность душевных образований, способность души к такой работе, при которой повторение одних членов прежнего переживания вызывает представления остальных членов» [3, с. 243–244]. В современной психологии выделяется «личная память», «обыденная память», «эмоциональная память» и т.д. Большой интерес вызывают исследования «автобиографической памяти», под которой подразумевают «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, отмеченного фиксацией, сохранением, интерпретацией и актуализацией автобиографически значимых событий и состояний» [4, с. 12–13].

Из приведенных определений вытекает, что в первую очередь память воспринимается как феномен субъективный и индивидуальный, отражающий прошлый опыт конкретного человека. Однако мы имеем и то, что принято называть коллективной или социальной памятью, а также памятью исторической. Нам представляется целесообразным рассмотреть, каковы же отношения между этими формами памяти и исторической эпистемологией.

В настоящее время наблюдается эффект центрирования истории на феномене памяти. Во-первых, акцентируется ценность воспоминаний участников и жертв исторических событий, вне зависимости от точности и правдивости таких воспоминаний. Во-вторых, наше знание этих воспоминаний, их сохранение становятся более похожими на сакральный акт, нежели познавательный. История, именно таким образом ориентированная на память, становится «аффирмативной», «т.е. утверждающей, потому что ее главная цель состоит в том, чтобы утвердить и превознести определенную традицию или группу, чью историю и опыт она изучает» [5, с. 99]. Такого рода историография отходит от своих естественных задач и подчиняет прошлое тем потребностям, которые актуальны в настоящем. У нее отсутствует критическая позиция по отношению к воспоминаниям, которые она собирает, и к традиции, которую она поддерживает.

Вместе с тем тот факт, что историческая наука немислима без памяти, под сомнение не ставится. Во-первых, историописание было бы невозможно без переживания времени, на что отчетливо указал П. Рикер. Без человеческого переживания времени, без ощущения – на самом элементарном уровне – различия между тем, что случилось ранее, что происходит сейчас и что будет происходить впоследствии, не могло бы быть никакого историописания. Очевидно, что вне памяти не мог бы существовать и человеческий временной опыт. В самом деле, можно сказать, что память – один из модусов нашего временного опыта – модус временного опыта, направленный в прошлое. Таким образом, память делает для нас возможной базовую концептуальную предпосылку историописания. Без памяти не было бы переживания времени, а без временного опыта мы не смогли бы располагать события в прошлом. Во-вторых, между историей и памятью есть содержательное отношение. История в самом

первоначальном смысле – это регистрация фактов прошлого, а без памяти эта функция была бы невыполнима. Из этих неоспоримых посылок некоторые историки делают вывод о парадигмальном значении памяти для историописания, где первая рассматривается как источник и основа второй. Так, Ж. Ле Гофф считает, что память – это «сырье» истории и что «ментальная, устная или письменная, она была живительным источником, из которого черпают историки» [6, р. 11]. Однако такое мнение может быть принято с определенными оговорками. Как известно, воспоминания – не статичные образования, которые возможно транслировать через поколения без изменений. Из многочисленных бесед с участниками значительных исторических событий, особенно травматичных для человеческой психики, было выявлено, что очень часто их рассказы о пережитом отмечены погрешностями и деформациями, которым подвергается индивидуальная память при ее переходе в версию социального стереотипа. Парадоксальным образом именно намерение «не забывать», вероятно, и приводит к тому, что подобные особо важные для жизни человека события подвергаются разнообразным трансформациям, дополнениям и стандартизации: их приводят к тому унифицированному формату, в котором и другие люди о них помнят. Всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти, – например в ходе рассказа – за этим следует его новое запоминание. При таком повторном запоминании на него наслаивается и контекст последней ситуации вызова из памяти – т.е. изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах, переписывается. «Воспоминание – это всегда событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали, поэтому разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого» [7, с. 30].

Итак, автобиографически и исторически значимые воспоминания имеют тенденцию к объединению тех событий и их интерпретаций, которые стали доступны уже позже того, как сами события произошли, что с неизбежностью искажает первоначально запоминаемое содержание. Этот факт должен указывать историкам на опасность абсолютизации значения памяти в историописании и на необходимость поиска таких средств по работе с содержанием индивидуальной и социальной памяти, которые будут способствовать отделению фактического и адекватного знания от субъективных и стереотипных наслоений.

Таковы аспекты памяти, которые необходимо учитывать историку в случае опоры его исследования на воспоминания отдельных людей или целой группы. Далее следует концептуализировать понятие исторической памяти, сопоставив с понятием социальной памяти, и установить типы ее соотношения с формами научного исторического знания.

Историческая память – это, в первую очередь, обращение к прошлому в его как позитивных, так и негативных аспектах, т.е. попытка реконструкции событий прошедшей действительности. Историческая память как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение ин-

формации о нем, – «одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений», – так определяет это понятие Л. П. Репина [8, с. 10]. Если это верно, то что, с одной стороны, позволяет в некоторой степени совмещать эти понятия и иногда даже отождествлять? На основании чего, собственно, историческая память выделяется в качестве автономной формы общественного сознания – с другой? Постараемся сначала установить пространство совмещения этих двух форм памяти.

Если рассматривать социальную память как максимально широкий контекст знаний социума о самом себе, включающий не только достоверные сведения, но и различного рода стереотипные, мифологизированные и стандартизированные представления, задействованные в поддержании «образа себя» этого социума в настоящем, а историческую память как сугубо знание о его прошлом, то объединяющим звеном в данном случае будет единство ценностно-смыслового поля. История как часть культуры была и остается одним из основных источников системы ценностей в обществе: «Историческая память обладает способностью к сохранению в общественном сознании оценочных установок, которые сформировались под воздействием исторических событий. Впоследствии эти установки перерастают в ценностные ориентиры, задающие определенные модели человеческого поступкам» [9, с. 50]. Именно аксиологическая компонента является тем общим пространством, в котором происходит пересечение содержаний исторической и социальной форм памяти. Этим взаимодействием в ценностно-смысловом аспекте обусловлен и избирательный характер исторической памяти. Ориентируясь на потребности, цели и ценности, задающие динамику процессов в социальной памяти, историческая, в свою очередь, актуализирует одни события прошлого и игнорирует другие. Тем самым исторически подкрепляются определенные образцы поведения и модели отношений, которые в основном работают на сохранение и поддержание идентичности данного социума. Это то, что касается момента взаимопроникновения двух рассматриваемых форм памяти. Если же акцентировать внимание на их различии, в первую очередь следует указать на то, что «понятия «социальная память» и «память историческая», имея идентичный объект отражения, отличаются способами фиксации его содержания и формами отражения бытия как на информационном, так и на культурно-семиотическом уровне» [10, с. 161]. Социальная память охватывает больший объем запоминаемой информации и, следовательно, она менее дифференцирована, чем историческая. Социальная память практически лишена вещественных носителей и менее зависима от институциональных образований – она работает на более глубинных уровнях сознания социума, нежели историческая, и поэтому не так сильно подвержена манипуляциям и искажениям. Именно социальная память формирует ценностно-смысловое пространство, опираясь при этом на содержание исторической памяти. Последняя в силу того, что имеет целью сохранение знаний о прошлом, встраивается в поле исторической эпистемологии. Здесь следует рас-

смотреть те особенности исторической памяти, которые непосредственным образом связывают ее с историописанием как научной практикой, и основные формы их взаимодействия.

Во-первых, можно сказать о том, что историческая память служит историку свидетельством того, что объективно произошло в прошлом, т. е. того, что произошло в форме внешне наблюдаемых событий. В конце концов, историки используют «следы» и «источники» в своих конструкциях или реконструкциях прошлого. Память в форме воспоминаний участников событий является одной из категорий источников для исторических построений. Иногда память обеспечивает историческое свидетельство, которое иначе было бы недоступно. Так, рассказы очевидцев могут являться единственными источниками информации о каких-либо событиях. Однако всё же лучше, когда этот вид свидетельства можно проверить, сопоставив его с непреднамеренным свидетельством.

Во-вторых, историческая память может служить историку в качестве свидетельства того, каким образом прошлое отложилось в сознании тех людей, которые в дальнейшем изложили свои воспоминания в рассказах. Другими словами, историк может сделать предметом исследования не то, что действительно происходило в прошлом, а то, как оно преломлялось в жизни конкретных участников тех или иных событий. В идеале этот вид исторического исследования, сосредоточенный на рассмотрении опыта исторических агентов, должен быть связан с другими формами исторического исследования, сфокусированными на таких вещах, как структурные и материальные условия и детерминанты истории, философские и религиозные взгляды, научные теории, технические приемы, представления о наилучших способах организации политической и социальной жизни и т. д.

В-третьих, историческая память сама по себе может стать для историка объектом историографического внимания. Это значит, что историк может сосредотачиваться не на внешних событиях прошлого и не на опыте их участников, а на том, какими способами люди позже вспоминали свой пережитый опыт. Для этого, конечно, именно зафиксированные воспоминания и будут рассматриваться в качестве свидетельства.

Последняя – четвертая форма – исходит из наличия такого подхода к зафиксированным воспоминаниям о прошлых событиях, который находится вне научной компетенции. Воспоминания прошлых событий, или, точнее сказать, повествование, сформированное из этих воспоминаний, здесь становится чем-то родственным священным предметам почитания. Память становится самоценной (память о Великой французской революции во Франции, о революции 1917 г. в СССР, о Холокосте в Израиле и т.п.). Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытном смысле превращается в нечто иное: память становится *коммеморацией*. Хотя память и коммеморация родственны друг другу, но они также резко и различаются. Если память всё-таки соотносима с реальностью прошлого, то коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить и упрочить чувство единства

и общности, укрепляя связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий. Говорить здесь о критериях научности невозможно.

Именно четвертый вариант соотношения истории и памяти, однако, вскрывает другую важную проблему, касающуюся исторической эпистемологии: механизм зависимости между историей, памятью и идентичностью их носителей. Тот факт, что в настоящее время история в первую очередь воспринимается как сохранение памяти, т.е. коммеморация, говорит нам о том, что остро стоит проблема идентичности общества, которое обозначает свое единство во многом благодаря общности воспоминаний.

В современном мире сосуществует и конфликтует между собой слишком много альтернативных реальностей, каждая из которых продуцирует собственные представления об идентичности своих членов. В данном случае размывание идентичности неизбежно, и первое практически действенное средство ее удержания – память. «Когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [5, с. 138]. Идентичность – очень сложное для определения понятие, которое, однако, прочно вошло в современный дискурс социальных наук. Причиной тому, как ни странно, – неопределенность этой идентичности, т.е. сложности с самоопределением и формированием «образа себя» как на личностном, так и на социальном уровнях. Следствием чего стало такое положение дел – тема самостоятельного исследования. Для нас в данном случае важен сам факт. Когда в обществе перестает быть очевидной консолидация на основе национальных, политических, культурных или других подобных оснований, единственное, что остается, – это общее прошлое. Как раз для того, чтобы заполнить образовавшийся вакуум, начинается бурная актуализация исторической памяти с обязательным возрождением исторических традиций «славного прошлого». По сути мы действительно есть то, что мы о себе помним. Какое место в данном процессе занимает историческая наука – вот то, что следует выяснить.

Среди самых известных авторов, изучавших проблемы взаимодействия истории, памяти и идентичности, можно выделить М. Хальбвакса. Его работы «Социальные рамки памяти», «Евангелическая легендарная топография святых земель : исследования коллективной памяти» и посмертно изданный труд «Коллективная память» стали широко востребованы только во второй половине XX в., несмотря на то, что были написаны еще в самом его начале. М. Хальбвакс полагает, что память имеет социальную основу, или, как он выражается, «социальные рамки».

Когда мы обращаемся к феномену памяти, то первоначально приходим к выводу о ее существовании, по крайней мере, на двух уровнях: индивидуальном (автобиографическая память) и социальном (историческая память). Но М. Хальбвакс указывает на несостоятельность позиции, склонной к строгой дифференциации этих двух родов памяти, когда в

первой видят только сохранение личных переживаний и субъективных восприятий, а во второй – национальные и исторические события, которые не имели непосредственного отношения к жизни человека. Наша индивидуальная память уже изначально погружена в те социальные рамки, которые существовали на момент нашего рождения, и она органично в них вплетена, более того, она на них опирается в процессе своего становления: «<...> если мир моего детства, в том виде, в котором я нахожусь в своих воспоминаниях, так естественно вписывается в те рамки, которые мне удастся восстановить, изучая недавнее прошлое историческими методами, то происходит это потому, что этот мир и сформирован этими рамками» [11, с. 11]. Память человека опирается на прожитую, а не на выученную историю. Вокруг индивидуального человеческого сознания существуют уже сформированные границы из «коллективных времени и пространства» и «коллективной истории». Последняя в данном случае – это не только и даже не столько письменно зафиксированная череда событий, а живая история, которая возобновляется в каждом поколении, живущем в ней. Более того, с каждым новым переживанием эта история претерпевает некоторые видоизменения. Воспоминание – это реконструкция прошлого, но осуществляется она средствами, предоставленными настоящим, к тому же при взаимодействии с предшествующими реконструкциями, которые уже внесли некоторые изменения в прежнюю трактовку событий. «На самом деле образ ушедшего никогда не застывает. По мере того, как он уходит в прошлое, он меняется, потому что некоторые черты стираются, а другие всплывают, в зависимости от точки зрения, т.е. от тех обстоятельств, в которых мы находимся, когда обращаемся к нему» [там же, с. 18].

М. Хальбвакс говорит о несовпадении коллективной (социальной) памяти и истории. Несомненно, история представляет собой собрание наиболее значимых событий и фактов, но это та информация, которая отобрана, классифицирована и записана в учебники, она уже не является актуальным и организующим знанием, каковым она была для поколений, живущих в созданных ею «социальных рамках». Как пишет Хальбвакс, «<...> история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [там же, с. 22]. Получается, что потребность сохранить в форме исторического нарратива события, связанные с определенным периодом, обществом или человеком, вызывается их уходом из актуальной действительности. Когда память о тех или иных событиях перестает постоянно воспроизводиться какой-либо социальной группой, непосредственно принимавшей в них участие или взаимодействовавшей с непосредственными очевидцами и участниками, когда она остается уделом лишь нескольких индивидуальных сознаний, тогда единственным шансом продлить эту память становится ее фиксация в письменных документах (сейчас это могут быть еще аудио- и видеоархивы).

Коллективная память отлична от истории, по мысли М. Хальбвакса, в двух отношениях. Во-первых, она представляет собой естественный не-

прерывный ход мыслей, поскольку она берет из прошлого лишь то, что живет в сознании той социальной группы, которая является ее носителем. Когда перед нами явная смена исторических периодов, то это в основном и показатель смены поколений: «в случае истории возникает впечатление, что от одного периода к другому обновляется всё: интересы, направление мысли, способы оценки людей и событий, а также традиции и перспективы на будущее» [11, с. 23]. Действительно, если взять учебники по истории с 5-го по 9-й классы, и там будут четко обозначенные Древний мир, Средние века, Новое время, XIX и XX вв. – совершенно разные и на первый взгляд абсолютно не зависимые друг от друга периоды. В отличие от такой картины в непрерывном развитии коллективной памяти очень трудно обнаружить локализованные места перехода ее из одной формы в другую. Для историка все периоды и эпохи одинаково равноправны и одинаково погружены в прошлое. Для носителей коллективной памяти четкого противопоставления настоящего и прошлого нет. Коллективная память общества совпадает в своих пределах с границами памяти тех социальных групп, из которых оно складывается. Забвение тех или иных событий и лиц происходит не от нежелания их помнить, не от антипатии или безразличия, а от факта исчезновения тех социальных групп, которые хранили память о них. «Если бы продолжительность человеческой жизни была бы в два или три раза больше, поле коллективной памяти, измеряемое в единицах времени, было бы гораздо шире» [там же, с. 25].

История, несмотря на всё многообразие входящих в нее компонентов, образует некий единый контекст, где все события и факты обретают собственное место. Ее можно представить как некую универсальную и абсолютную память человечества. Но таковой на самом деле нет. А коллективная память вариативна, так как тесно взаимосвязана с социальной средой, в которой она воспроизводится, – и это второе отличие коллективной памяти от истории. Именно поэтому в отличие от последней, интересующейся кардинальными переменами и опускающей временные интервалы, в которых изменения не заметны, коллективная память ориентирована на сходства и повторения. «Группа, живущая, прежде всего, для самой себя, стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю ее мысли. В таком случае главное место в ее памяти занимает то время, в течение которого в ней не произошло глубоких изменений» [там же, с. 26]. Память тем самым тесно переплетена с идентичностью. Социальная группа в формах коллективной памяти хранит образ самой себя. Пока существует группа, живой остается и память. М. Хальбвакс продемонстрировал, как происходит постоянная реконструкция форм социальной памяти различными идентичностями и как напрямую зависит само существование коллективных воспоминаний от сохранения групп, для которых эти воспоминания являются «социальными рамками» памяти. Однако в данный момент происходит как раз обратный процесс: размывание идентичности требует конструирования памяти с целью установления этой идентичности. Данный сюжет освещен в проекте «Места памяти» французского историка П. Нора.

«О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет», – многочисленные мемориальные места лишь доказывают, что социальные группы утратили память как таковую и теперь нуждаются в ее овеществлении [12, с. 17]. Как пишет П. Нора, память – это жизнь, ее носителями являются реальные социальные группы, и поэтому она динамична, она подвержена изменениям, при этом, не отдавая себе отчета в собственных деформациях, она способна затухать и разгораться. История – это неполная и достаточно неоднозначная реконструкция того, что уже прошло. Память вплетена в настоящее, история – репрезентация ушедшего. «В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти» [там же, с. 20].

Нора считает, что именно распад идентичности, в частности национальной, вызвал наступление «мемориальной эпохи». Причины, по которым это произошло, он увязывает с такими явлениями, как «ускорение истории» и трансформация понятия национального в понятие социальное.

«Ускорение истории» проявляется в том, что на смену историческим метанарративам, в которых так или иначе вырисовывалась перспектива будущего, пришло ощущение неопределенности и непредсказуемости грядущего. И теперь «мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим потомкам, чтобы разобраться в самих себе. И эта невозможность предвидеть будущее, в свою очередь, ставит перед нами обязательство благоговейно и неразборчиво собирать любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит (может быть) стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были» [13, с. 205]. Происходит насаждение так называемого «долга памяти», что, по мысли Нора, с неизбежностью приводит и к процессу отчуждения прошлого – если мы вынуждены с помощью архивов, памятников и других многочисленных «мест памяти» реконструировать картину прошедшей реальности, значит, мы тем самым делаем попытки обрести утраченное. Это не что иное, как обнаружение дискретности времени: «прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности» [там же].

В то же время процесс перехода от исторического самосознания к социальному сознанию вытеснил представление о национальной идентичности и единственное, что остается, – это создавать «места памяти». Они возникают только благодаря ощущению отсутствия памяти спонтанной, живой, а следовательно, появляется необходимость собирать архивы, отмечать годовщины дат, увековечивать людей или события в памятниках и мемориальных досках и т.п. «Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [12, с. 26]. И, изучая всё это, читая подлинники документов минувших эпох, исследуя особенности сохранившихся свидетельств, мы по существу заменяем знание своего происхождения дешифровкой того, кем мы уже не являемся.

Итак, рассмотренные нами авторы однозначно стоят на позиции размежевания понятий социальной памяти и истории, рассматривая первую как живое и динамическое образование, а историческому знанию отводя роль фиксированной череды репрезентаций прошлого. Хальбвакс даже пишет, что «история и впрямь похожа на кладбище, где пространство ограничено и всё время приходится находить место для всё новых могил» [11, с. 9]. Но, на наш взгляд, это всё-таки упрощенное понимание исторической науки, несмотря на то, что очень точно выявлены те особенности социальной памяти, которые не позволяют сделать из нее дубликат истории или говорить о том, что именно содержание коллективной памяти является доминирующим источником исторических фактов.

Попробуем всё-таки рассмотреть феномен социальной памяти в контексте исторической эпистемологии.

Мы уже выяснили, что индивидуальная память перетекает в социальную в процессе коммуникации. Общие воспоминания, разделяемые некоторой группой, являются для нее релевантными и ложатся в основу общепринятых версий истории. Следовательно, для того чтобы быть социальной, память должна быть транслируемой и артикулируемой с помощью речевых или наглядных образов, изображений и т.п. Но эти образы, в свою очередь, в процессе передачи с необходимостью упрощаются и стереотипизируются. Более того, они должны быть конвенциональны, т.е. осмысленными приблизительно одинаковыми способами внутри группы. Именно поэтому образы социальной памяти более схематичны по сравнению с их изначальными аналогами в индивидуальной памяти, они представляют собой скорее общие идеи и понятия.

Вместе с тем, как верно отмечено М. Хальбваксом, невозможно даже на уровне индивидуального сознания четко разграничить уровни личной и социальной памяти. Память, несомненно, субъективна, но она структурирована языком, социальным опытом, образованием и т.п. И отсюда историку, использующему чьи-то воспоминания в качестве свидетельства, следует всегда помнить, что в них субъективные переживания тесно переплетены с социальными компонентами памяти.

В итоге социальная память – это отражение коллективного опыта, именно она становится важным источником осознания группой собственной идентичности через общность прошлого.

Трансформация содержания социальной памяти в историю происходит достаточно продолжительное время, в течение которого это содержание значительно видоизменяется. Факты обычно быстро утрачиваются на ранних стадиях социальной памяти. Во-первых, чтобы их запомнить и передать, они должны быть трансформированы в образы, и, во-вторых, – организованы в рассказы. К этому моменту часть фактов уже оказывается утраченной, причем не просто в результате быстрого исчезновения фактического компонента памяти, но также из-за того, что факты, не гармонирующие с нашими установками, фильтруются при передаче. Концептуализация, которая происходит, когда память трансформирует-

ся в предназначенный для ее передачи рассказ, – это самостоятельный процесс, который и составляет суть исторического исследования. Дальше процесс изменения замедляется, возникает некая стабилизированная версия – история.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прошлое становится историей, когда определенное содержание изымается из контекста социальной памяти, определенным образом структурируется и оформляется в связный нарратив. Однако исторический нарратив, если он востребован обществом, включается в процесс возобновления и дальнейшей циркуляции социальной памяти. Тем самым проблематичен вывод П. Нора о том, что «история убивает память», они скорее плавно перетекают друг в друга, оказывая определенное воздействие на их первоначальные формы, но это специфика любой трансформации и взаимодействия социальных знаний. Не нужно забывать, что социальная память живет в условиях некоторого исторического контекста и форма ее существования во многом определяется потребностями данного конкретного социума именно на данном этапе его становления. Однако важнейшее различие между историей и памятью в том, что историк может открыть то, чего нет в коллективной памяти людей, то, что либо не отложилось в ней, либо забылось, и это – одна из основных задач исторического исследования. Она выполнима только тогда, когда историография держится на некоторой дистанции и от памяти (в форме ностальгии, традиции или коммеморации), и от настоящего в том смысле, что не становится политически или идеологически ангажированной трактовкой прошлого, удобной для современных условий. История не может что-то предписывать настоящему. Она может и должна раскрывать нечто еще неизвестное о прошлом и тем самым удивлять, потому что тогда она «заставляет людей увидеть, что горизонт настоящего не совпадает с горизонтом всего сущего» [5, с. 132]. Только в таком случае история оправдывает свое академическое положение в структуре научного знания.

Литература

1. *Геродот*. История / Геродот // Историки Греции. – М., 1976.
2. *Джемс У.* Память / У. Джемс // Психология памяти. – М., 1998.
3. *Эббингауз Г.* Смена душевных образований / Г. Эббингауз // Психология памяти. – М., 2008.
4. *Нуркова В. В.* Методы исследования автобиографической памяти в психологии / В. В. Нуркова // Вестник РАО. – 1999. – № 2.
5. *Меггил А.* Историческая эпистемология / А. Меггил. – М., 2007.
6. *Le Goff J.* History and Memory / J. Le Goff. – New York, 1992.
7. *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого / Х. Вельцер // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2–3.
8. *Репина Л. П.* История исторического знания / Л. П. Репина. – М., 2004.
9. *Бубнов Ю. А.* Историческая память как проявление гуманистического смысла культуры / Ю. А. Бубнов // Университетская площадь. – Воронеж, 2008. – № 1.

10. Лойко О. Т. Социальная память в контексте историзма / О. Т. Лойко // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 1.
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2–3.
12. Нора П. Франция – Память / П. Нора. – СПб., 1999.
13. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – М., 2005. – № 2–3.

Воронежский государственный университет

*Чурсанова И. А., преподаватель кафедры истории философии
E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru
Тел.: 8-952-541-77-07*

Voronezh State University

*Chursanova I. A., Lecturer of the History of Philosophy Department
E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru
Tel.: 8-952-541-77-07*